

О. П. Зубец¹

ВНЕНАЦИОНАЛЬНОСТЬ МОРАЛИ

В философской этике, понимающей мораль как субъектное бытие человека в качестве единственного и абсолютного автора индивидуально-ответственного поступка, нет и в сущности не может быть понятия нации и национальности. Мораль возникает как выражение разрушения слитости не только человека с природой, но и индивида с социумом (племенем, группой любого рода): она есть ответ на тот исторический сдвиг, когда человек перестает быть только природным и социальным существом. Философское осмысление *самого себя* как самодостаточного (свободного от природной, социальной или какой-либо иной необходимости) привело к пониманию морали как способа бытия человека, который выражается в полагании себя абсолютным началом поступка.

Эта идея стала сердцевинной морали и основой философской этики. Очевидно, что в таком случае в морали человек поступает не от имени группы, а, наоборот, исключительно от собственного имени, порывая с какими-либо групповыми детерминантами своего решения о поступке. Он поступает от имени самого себя, как «я», причем в качестве абсолютного начала поступка это «я» бескачественно, то есть лишено физических или социокультурных свойств, в том числе и национальности, и принадлежности к нации. В морали «я» поступает не как русский, англичанин или еврей и не как гражданин какой-либо страны. В то же время мораль, видимо, нельзя признать и космополитичной, так как она задает свой миропорядок, свой космос, не преодолевающий национальные границы, не отрицающий национальные различия, а лишаящий их какого-либо бытийного основания. В обществе существуют и иные явления, пытающиеся уничтожить национальное начало: к ним можно отнести аристократизм и аристократию, в своей эмпирической жизни и сфере ценностей существующую поверх (или вне) национальных границ. Поверх и помимо национального существуют наука и некоторые религии, для которых «нет ни эллина, ни иудея».

Моральный поступок является самодостаточным, то есть его цель не может лежать вне его самого. Так, мужественный поступок мужествен сам по себе, а не в силу того, что он совершен ради чего-то или кого-то: ради Родины, человечества или любимого человека. Есть ли моральное различие в мужестве поступков, защищающих свой народ или чужой народ? Видимо, нет. Каков тогда тот поступок, который именно в своей самодостаточности выражает добродетель патриотизма (как любви и привязанности к Родине)? Почему индивидуальная половая любовь, значение которой в человеческой жизни огромно, тем не ме-

нее не сочетается с какой-либо ценностно-нормативной идеей или добродетелью, подобной патриотизму? Не свидетельствует ли это о том, что патриотизм, провозглашаемый ценностью, лишь выражает конкретный интерес сообщества?

Субъектом морали может быть лишь индивид, человек в его единственности (даже понятие личности оказывается в данном случае неприемлемым в силу того, что основано на индивидуализации сочетания социально-психологических черт и характеристик), соответственно нация или какая-то иная социально-культурная группа не может быть субъектом морального поступка (об этом в дискуссии о философской этике говорит А. А. Гусейнов). Но и апелляция к патриотизму как основанию поступка означала бы принятие некоего сообщества, его бытия в качестве цели поступка. Но в пространстве морали я поступаю не как принадлежащий некоторому сообществу, а как принципиально не принадлежащий ему. Сам язык отвергает возможность дать морали национальное определение: не существует русской, таджикской или еврейской морали. Существуют национальные *нравы* (они составляют важную часть культуры), но нет национальной *морали*: решение принимается лишенным не только национальности, но и возраста, и пола, и профессии, и характера, и какой-либо еще качественной определенности субъектом. Для взгляда извне он есть *ничто*, но он есть *все* в оптике собственного субъектного ответственного взгляда. Поэтому философски оправданно задать вопрос, что есть национальность именно в последней инстанции, то есть за что моральный человек несет ответственность². Иными словами: может ли национальность быть поступком, включена ли она в пространство морали как поступок, может ли моральный поступок иметь национальный смысл именно в своей моральности? Мне видится лишь негативный ответ.

К патриотизму чаще всего апеллируют, когда хотят, чтобы человек совершил нечто, что он ни за что не совершил бы, если бы был абсолютным началом мира и поступка: когда хотят, чтобы он убивал или лгал. Патриотизм является такой же внеположенной самодостаточности поступка идеей, как и всякая иная идея блага той или иной группы или человечества в целом. Ведь и преступления нацистов совершались «ради общего блага», в первую очередь ради блага их нации, соплеменников. Собственно, мораль как воплощение самодостаточности и абсолютности человека в качестве субъекта подменяется в идее патриотизма социальностью человека, его принадлежностью к разнообразным социальным сообществам.

¹ Старший научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Мораль: разнообразие понятий и смыслов», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из “Никомаховой этики”», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте», «Ложь как самоустранение», «Аристократизм как основание поступания», «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время» и др.

² Перекликающиеся с этим идеи выражены в статье «Патриотизм» И. Примораца, допускающего в пространство морали лишь так называемый этический патриотизм, суть которого в заботе о моральной идентичности собственной нации, важной для моральной идентичности данного индивида. См.: *Primoratz I. Patriotism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E. N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>*

Я являюсь человеком морали не в силу своей национальной принадлежности, а вопреки ей, вне ее. В силу этого никакая нация не может приписывать себе какие-либо моральные добродетели, претендовать на приоритет в сфере морали: в пространстве морали наций не существует.

Общности людей историчны: в перспективе разрушения государственных границ и национальных ограничений и нация, видимо, будет заменена новой формой человеческого общежития. Уже сейчас, например, в сфере Интернета социальные черты индивида утрачивают прежние формы, возникают новые эмпирические облики. Если субъект считает нацию выражением самого себя, своего мировоззрения, то он, не отказавшись от своей субъектности, не может положить границу этой нации в мире людей и с необходимостью расширит ее до человечества и даже мира в целом, уничтожив таким образом смысл самого понятия нации.

В пространстве морали, для которой центральным является отношение человека с самим собой, идея патриотизма приобретает специфический смысл. Любовь к семье, родителям, роду в Античности, то есть в период генезиса морали и ее философского осмысления-задания, принадлежит к сфере природного существования, к миру необходимости, связанному с удовлетворением основных потребностей человека. Домовладению, домохозяйству противостоит полис как пространство свободного общения граждан: именно полис есть пространство морали. В философской этике полис осмысливается как форма существования в мире морального индивида, поэтому отношение с ним есть форма отношения человека с самим собой. В таком смысле поле этическое понимание патриотизма становится возможным лишь как понимание любви человека к самому себе и его верности собственной развернутости в мир. Иными словами, моральный индивид относится к себе как к началу мира, его любовь-дружба с собой есть воплощение и образец любой иной любви-дружбы: он в этом смысле предельное воплощение патриотизма, так как сам является собственной родиной и всегда и всюду несет ее с собой. (Отдаленной иллюстрацией этой идеи может служить наблюдение Честертона о том, что Англия находится в любом месте, где находится англичанин.) Идея нации, возникающая в Новое время, опирается на разросшееся до границ государства домохозяйство: в силу этого она генеалогически есть постороннее, чуждое морали пространство.

По замечанию Н. Бердяева, национальное импонирует своей глубокой укорененностью в длительную жизнь. Мораль в своем генезисе связана со стремлением человека к бессмертию, но она открывает такую возможность не через принадлежность к более длительно существующему сообществу, а через отвержение временности через вневременность поступка, совершаемого навсегда. Бессмертность человеческого дела была бы сомнительной, если бы обеспечивалась памятью сограждан или единоплеменников.

Если патриотизм понимать как любовь к своему (а именно так его понимает ряд мыслителей, относящихся к патриотизму в лучшем случае иронически),

то в этическом ключе он оказывается как раз некоторым исходным, первичным отношением, из которого уже вырастает отношение с миром и собственно сам этот мир. Аристотель разворачивает дружбу с Другим и сам полис из дружбы человека с самим собой. Можно было бы предположить, что именно из привязанности к самому себе рождается то, что называется патриотизмом. В моральном смысле привязанность к себе означает полагание себя началом и ответственным (что одно и то же): патриотизм, таким образом, означает собственную ответственность за те поступки, которые совершают другие. Ответственность русского за то, что совершают русские, армянина — за совершаемое армянами. Но такая идея не выдерживает критики в силу того, что в моральной ответственности не могут быть помыслены не только национальные, но и какие-либо другие границы: ответственность неизбежно распространяется на все человечество. Так что и такая попытка найти национальному месту в морали оборачивается провалом.

Вывод о том, что понятие патриотизма является внеэтическим, а патриотизм как ценность не находит места в пространстве морали, оставляет им право на существование в качестве внеморальных: как явления социальной жизни, выражения социального интереса, ценности культуры и т. п. Человек многокачествен: мораль ни в коем случае не лишает его этого богатства, но лишь задает основу, возможность присваивать себе мир и самого себя и нести ответственность за многообразие своего существования и саму бытийственность.

Если даже принять идею патриотизма как утверждение человека в его национальном качестве, в его привязанности к национальному началу, родственности и тому подобном как если не моральную, то не чуждую морали, то превращение этой идеи в провозглашаемую государством или обществом ценность, ее идеологизация крайне обостряют отношения этой идеи с моралью и философией. (Печальным примером может служить учебник по школьному курсу «Светская этика», в котором мораль, ориентированная на патриотизм, сводится к абсолютному послушанию.) Не случайно патриотизма нет в перечне моральных добродетелей не только в Античности, если ориентироваться на Аристотеля, и среди основополагающих христианских добродетелей, но и гораздо позже, когда идея нации становится центральной для идеологии. Философы, в том числе этики (за редким исключением, если вспомнить Фихте), не интересовались понятием патриотизма вплоть до середины прошлого века, когда к нему обратились Э. Олденквист и А. Макинтайр.

Последний в лекции «Является ли патриотизм добродетелью?»¹ считает патриотизм важнейшей моральной добродетелью в силу того, что мораль всегда есть мораль определенного сообщества и «Я могу быть моральным субъектом (agent) потому, что Мы являемся моральными субъектами». Данное утверждение предельно симптоматично: патриотизм обретает значение моральной ценности и добродетели исклю-

¹ MacIntyre A. Is Patriotism a Virtue? (The Lindley Lecture). Lawrence: University of Kansas, 1984.

чительно при допущении множественности моральных субъектов и (или) человеческого сообщества как морального субъекта (если не понимать это суждение как банальное утверждение социальности человека). А. Олденквист находит место патриотизму в морали, понимаемой как лояльность, верность сообществу. Эти теоретические обоснования патриотизма как морального и философско-этического понятия очень симпто-

матичны и свидетельствуют лишь о том, что в рамках философской этики понятие патриотизма не может найти позитивного смысла и места, хотя это не отменяет его локализованности в различных областях моралеведения.

В идее философской этики, тождественной видению субъекта морали, мир есть *мой* мир — и в национальном, и в общечеловеческом обличье.
